

УДК 93/94 : 272 «1880-1890»

Вивчар Василий Михайлович

аспирант Кафедры всеобщей истории Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
тел.: (913) 964-73-86

Vivchar Vasily Mikhailovich

Postgraduate Student of the Department General History of Omsk State University
named after F.M. Dostoevsky
tel.: (913) 964-73-86

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
БРЕСТСКОЙ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
УНИИ В 1880-1890-е гг.: РАСЦВЕТ
ОФИЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ**

Проанализированы особенности важного этапа изучения истории Брестской унии православной историографией в дореволюционное время. Уточнены причины, обусловившие в 1880-1890-х гг. подъем исследовательского интереса к феномену униатства XV-XVII вв. Показана неоднозначность научного наследия традиционалистской отечественной историографии проблемы.

Ключевые слова: дореволюционная историография, история науки, Брестская уния, греко-католическая уния.

**NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF
THE GREEK CATHOLIC UNION OF BREST
IN THE 1880-90S: FLOURISHING OF THE
OFFICIAL CONCEPT**

The article analyses features of the significant stage in the studying the Union of Brest history by orthodox historiography of pre-revolutionary times. There have been defined the reasons for aroused research interest to the phenomenon of Uniatism of the XV-XV centuries in the 1880-90s. The article has shown the indeterminacy of scientific heritage of traditionalistic national historiography issue.

Key-words: pre-revolutionary historiography, history of science, the Union of Brest, Greek Catholic Union.

Советская наука нередко обвиняла дореволюционных ученых второй половины XIX в теоретическом «примитивизме», отсутствии «синтетической идеи», в результате чего историческое знание якобы «расчленилось», становилось «мертвым грузом» [1, с. 349, 355]. На церковных историков были повешены ярлыки «охранительности» и «клерикализма» [2, с. 4-5]. После ликвидации марксистского методологического монизма эти идеологизированные оценки получили новую жизнь в исследованиях новейших украинских и белорусских историков [3, 4]. Преодолевая подобные шаблоны восприятия, мы проанализируем специфику отечественной историографии Брестской унии в 1880-1890-е гг., чтобы лучше понять, в чем именно состояло значение пришедшего на это время подъема ортодоксально-православного варианта изучения феномена униатства.

Накопление документов по истории Брестской унии 1594 г. и начало складывания православной концепции ее изучения относится к концу XVIII-первой половине XIX вв. Первые же попытки научного осмысления проблемы были предприняты в середине XIX в., когда политическая борьба с полонизмом придавала актуальность «западно-руссистским» исследованиям. Методологическая трансформация в науке совпала с политическим кризисом 1881 г., после которого страна была зажата в консервативные рамки. Для отечественной историографии Брестской унии, представленной в основном клерикально ориентированными учеными это имело позитивные последствия и по-своему позволило реализовать накопленный прежде научный потенциал.

На 1880-1890-е гг. пришлось 50-я годовщина ликвидации унии на Полоцком соборе и 300-я годовщина ее принятия в Бресте, и в западных губерниях империи был опубликован целый ряд юбилейных статей, которые удобопонятно разъясняли народу суть заблуждений униатства и фальшивость его истории. Без сомнения актуализацию унионной тематики вызвал также консервативный курс правительства Александра III по поддержанию церковных учреждений, вобравший в себя как традиционный для предшествующей эпохи антиполонизм, так и проправославную политику в Западном крае [4, с. 125-136; 5, с. 43-44]. Традиционалистская историография унии предоставляла самодержавию дополнительные аргументы для обоснования политики деполонизации и реализации проекта большой русской нации [6, с. 150-151], содействовала закреплению характерного для российского общества понимания триединства русских или православных.

В ряду других контрреформ того времени, были поставлены барьеры против возникшего в 1870-е гг. критического подхода в богословских и церковно-исторических работах (Устав духовных академий 1884 г.) [7, с. 261-287], были упразднены диспуты, публичные защиты и специализация выпускников, закрыт доступ в Академии воспитанникам светских школ. Однако, ужесточение цензуры богословских работ (Правила 1889 г.) имело также позитивные последствия: они заставляли светскую профессуру Академий обратиться к историческим исследованиям, хотя и здесь применение критического метода вызывало недовольство официальных кругов, боровшихся с призраком протестантских взглядов [8, с. 318]. Росту церковной истории способствовало и учреждение по Уставу 1884 г. в дополнение к богословским, новых ученых степеней – докторов церковной истории и церковного права [9, с. 258-261].

Между тем в российской светской и духовно-академической науке широко распространялись позитивистские методики анализа [10, с. 616], способствовавшие совершенствованию техники написания исторических сочинений. Одновременно в последние десятилетия века стало нормой премирование исследований «западно-русской» проблематики (Макарьевская, Уваровская, Карповская премии) и связанное с этим рецензирование, отличавшееся от прежних лаконичных отзывов 1850-1870-х гг. Отсюда углубление исторической аналитики и начало историографической рефлексии проблемы унии.

Можно выделить ряд направлений, по которым развивалось изучение феномена Брестской унии в отечественной историографии последних десятилетий XIX в. Пожалуй, самый значительный пласт работ был посвящен биографиям деятелей русинской истории XV-XVII вв., как православной, так и противной, униатской стороны. Немало работ касалось общей истории Малороссии и ее присоединения к России, а также состояния Западно-русской церкви. Наконец, отдельное направление интереса составила история церковных братств и изучение роли, которую они сыграли в принятии унии и борьбе против нее.

Результатом этой исследовательской работы стала следующая картина конкретно-исторических представлений по проблеме. Определяя причины генезиса русинской унии, авторы, в частности, начинали с характеристики разделения в XV в. русской митрополии [11, с. 108], отмечая постоянство католического прозелитизма в Западной России [12, с. 8-14, 45-47] и подчеркивая факт вливания русских земель в инородческое государство [13, с. 540], власти которого вели антиправославную политику.

Отталкиваясь от работы митрополита Макария (Булгакова) [14, с. 26, 167, 256, 368] рубежа 1870-1880-х гг., историки писали, что польские католические государи разлагали рутенское православие, злоупотребляя правом раздачи церковных мест. При этом они констатировали и позитивные проявления церковного патроната: усилия благочестивых «фунадаторов» из знати [15, с. 5] и самодеятельность городских братств мирян, поддерживавших церковь в иноверном государстве [16, с. 79-83].

Среди других причин формирования унии назывался упадок православного образования [17, с. 476], обстановка общеевропейской контрреформации и польские политические планы [18, с. 521-526], направленные на соединение несоединимых обществ Литвы и Польши [19, с. 479], следствием чего стали столкновения в Польско-литовском государстве различных религий и культур [20; 21, с. 284].

Относительно хода принятия Брестской унии на уровне очерков и учебных руководств сообщались сведения о тайных переговорах владык об унии, унизительном целовании епископами Потеем и Терлецким ноги папы Климента VII, взаимных проклятиях двух альтернативных Брестских соборов 1596 г., антиуниатских настроениях русинской аристократии во главе с князем Острожским и широких слоев рутенских мещан, тяготах русинских православных лишившихся иерархии и многих церквей, полонизации западно-русского дворянства, надеждах западно-руссов на единоплеменную и единоверную Россию и т. д. [22, с. 248-305]. Но в специальных статьях отмечались не только корыстные мотивы архиереев-изменников, но и объективные факторы, толкнувшие их в конце XVI в. пойти на заключение соглашения с папой и королем [23, с. 263-280; 24].

По поводу сущности нового вероучения, практически все авторы подчеркивали антиправославность и изначальную близость унии к римскому католицизму. Фиксируя разницу понимания идеала церковной унии православными русинами и поляками-католиками, историки указывали, что для первых это было возвращение христианского единства, а для вторых – ополячивание, окатоличивание или «порабощение... братьев западноруссов» [25, с. 18-19, 21, 335].

Авторы же общих историй России в это время, как и ранее, доказывали стремления иезуитов и польских властей распространить униатство и на Московскую Русь, воспользовавшись событиями Смуты начала XVII в. [26, с. 48-50].

Работы по истории русинских церковных братств отразили негативную общественную реакцию сначала на слухи об измене епископов, а затем и на формальное объявление унии в конце XVI в. (статьи А.Я. Ефименко, А.А. Папкова, С.Т. Голубева). Обстоятельно были рассмотрены типографские и школьные инициативы братчиков, зародивших православное просвещение как орудие религиозной борьбы [27, с. 474]. На фоне развития братских школ, ослабления внутри них греко-славянских и нарастания западных схоластических «начал», отслеживались литературно-полемические столкновения православных и униатов (первая треть XVII в.) [28, с. 399-400].

Происходившая после объявления унии конфессиональная борьба в рутенском обществе и польском государстве находила более комплексное отражение в научно-популярных очерках [29]. Вместе с тем в это время церковный историк П.Н. Жукович впервые осветил сеймовую борьбу южнорусской шляхты против унии и за свободу совести. Ее успехи он ставил в зависимость от внутривластной стабильности Речи Посполитой и направления внешних целей польского правительства [30]. Разработка этой темы будет расширена автором в начале XX в., когда конституционализм вообще станет крайне актуальным.

В ракурсе борьбы «за веру и народность» в исследовательских и научно-популярных трудах то-

го времени происходила конкретизация православной концепции унии местными сюжетами из русинской церковной истории, уточнением места отдельных земель в общих унионных процессах Западного края и хода униатизации отдельных православных епархий [31].

Касаясь также персонального аспекта проблемы унии, исследователи доказывали, например, подлинную святость православных иноков и ложную униатских святых [32, с. 2, 25]; рассматривая культ последних как средство искоренения православия и русской народности в Речи Посполитой [33, с. 398-399].

Одновременно православные авторы изучали историю собственно рутенской греко-католической церкви в XVII в., анализ которой был начат еще в 1850-1870-е гг. (М.О. Коялович, Ю.Ф. Крачковский, Н.И. Петров). Особенностью нового периода стало то, что сведения о прошлом русинского униатства стали систематизироваться и популяризироваться, естественно, в негативном оценочном ключе. Так, И.А. Чистович в своих обзорных очерках западнорусской церковной истории, показывая распространение унии на фоне дискриминации русинского православия, уделил особый раздел описанию структуры униатской церкви и постепенной ее латинизации [34, с. 362-419].

Вместе с тем по данной теме поднимались и достаточно новые вопросы. Например, анонимный автор сделал очерк о создании униатских церковных братств, хотя он показал лишь их ущербность по сравнению с православными аналогами [35, с. 61-65]. Другой историк, И.Х. Стрельбицкий, исходя из выводов своего предшественника М.О. Кояловича об унии как «хитром плане» иезуитов, рассмотрел историю греко-католических соборов, добавив сведения по реформам униатского митрополита Рутского (первая треть XVII в.) и несостоявшемуся примирительному собору униатского и православного духовенства во Львове в 1629 г. [36, с. 86-102, 107-118].

Сами переговоры 1620-1640-х гг. о примирении униатов и православных впервые были основательно рассмотрены в монографиях С.Т. Голубева [37, т. 1., с. 205-240, т. 2., с. 196-216], посвященных участвовавшему в них аристократу, знаменитому архимандриту и затем митрополиту Петру Могиле. Историк представил богатейший фактический материал о прошлом западнорусской церкви при жизни этого яркого деятеля. Он показал как, несмотря на «напор... латино-польской пропаганды» рутенское православие в 1632 г. вновь было признано властями как еще одна (наряду с униатской) церковь греческого обряда, и началось возвращение отобранных униатами епархий, монастырей и церквей, что автор причислял к успехам борьбы южноруссцев за свою веру и народность.

Важно, что русские церковные историки, развивавшие православную концепцию унии, анализировали в 1880-1890-е гг. и труды зарубежных исследователей проблемы (П. Пирлинга, И. Франко, Э. Ликовского), критикуя их конфессионально-политическую предвзятость, они признавали документальную ценность данных работ, выделяли точки зрения тех авторов, которые им казались более справедливыми [38, с. 642-643]. Одновременно историческая мысль непрерывно увеличивала объемы изучаемых источников: знатоки ватиканских архивов старались показать коллегам их полезность для прояснения роли иезуитов в унионных процессах [39, с. 1-3; 40, с. I-XLII].

Довлеющее положение одной государственно-православной парадигмы ограничивало возможности формирования разнородных концепций, заставляло историков углубиться в детали, но при рассмотрении последних и официальные авторы полемизировали, например, по вопросу происхождения братств или мотивов избрания на митрополию Петра Могилы, а также по конкретным источниковедческим и фактографическим нюансам темы (статьи И.И. Малышевского, С.Т. Голубева и Ф.И. Титова).

Следует отметить, что в последние десятилетия XIX в. на фоне апогея традиционалистской науки в работах светских малороссийских историков, принадлежавших к украинофильскому движению (П.А. Кулиш, М.С. Грушевский, О.И. Левицкий) отразились сомнения в положениях официальной историографии о роли сословий в унионных событиях [41, т. 1, с. 26-32, 56-59, т. 2, с. 105; 42, с. 33-46; 43, с. 10-17], причем О.И. Левицкий попытался концептуально переосмыслить проблему [44].

Традиционалистские историки чутко реагировали на эти замечания, стараясь подтвердить традиционные тезисы. Чистович спорил с мнением Кулиша о мотивах отказа от унии Львовского епископа [45, с. 8-10]; Голубев не соглашается с утверждениями Кулиша и Эйнгорна о пропольской ориентации митрополитов Могилы и Коссова [46, с. 11, 18, 19]; Жукович и Площанский указывали на очевидные противоречия в концепции Левицкого о внутреннем русинском происхождении унии [47, с. 729-730; 48, с. 67].

Персональные данные упомянутых выше историков позволяют локализовать ведущие центры изучения проблемы в период подъема официальной историографии. В частности, по количеству специальных публикаций и подготовленных специалистов по истории унии в это время лидировала Киевская духовная академия (И.И. Малышевский, А.Ф. Хойнацкий, Н.И. Петров, С.Т. Голубев, И.Х. Стрельбицкий, Ф.И. Титов), определяя научный климат периода. Петербургская духовная академия (И.А. Чистович, В.З. Завитневич, П.Н. Жукович, К.В. Харлампович) по сравнению с 1850-1870 гг. стала отходить на второй план, но весьма заметными оказались труды ученых Киевского

университета (О.И. Левицкий, Н.П. Дашкевич, М.С. Грушевский).

Выдвижению киевских центров способствовала их консервативная ориентация, соответствовавшая духу времени. Хотя университет Св. Владимира при всей охранительности его профессуры взрастил таких историков как Левицкий и Грушевский, первый из которых усомнился в объективности официальных интерпретаций проблемы, а второй – позднее изложил ее новый национальный подтекст. Поэтому выход на авансцену киевской школы изучения унии в период преобладания позитивистского метода, может скорее объясняться близостью этих вузов к ключевым фондам Киевских и Львовских архивов. Кроме того, например, в Киевской академии действовала особая кафедра «истории западнорусской Церкви».

Итак, концептуальное единство по проблеме Брестской унии направило развитие изучения феномена в русло расширения фактического материала. Несмотря на некоторую конфессиональную ограниченность традиционалистских историков в плане освещения многообразных аспектов темы проблемная историография прогрессивно развивалась. Можно обвинять авторов-позитивистов в отсутствии абстракций и теоретического синтеза, однако уход исследований в детализацию разработки фактов позволял официальным историкам подойти к проблеме более объективно. Наличие же общепризнанной парадигмы объединяло множество разнородных узкоспециальных исследований в единую развивающуюся систему знания. Причем в некоторых традиционных работах стали просматриваться социально-политические и национальные вопросы, предвосхищавшие последний этап эволюции до-революционной историографии унии в условиях нестабильной России начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
2. *Полуцкая С.В.* Брестская церковная уния 1596 года и борьба народных масс Белоруссии против национально-религиозного гнета (1596-1667): автореф. ... дис. канд. ист. наук. Мн., 1983.
3. *Біла С.Я.* Унійні процеси в західних єпархіях Київської митрополії (остання третина XVII – початок XVIII ст.). Історіографія проблеми: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Киев, 2004; Берасцейская царкоўная унія 1596 г. у беларускай гістарыяграфіі / под ред. С.В. Марозава. Гродна, 2002.
4. *Полунов А.Ю.* Церковь, власть и общество в России (1880-е-первая половина 1890-х гг.) // Вопросы истории. 1997. № 11.
5. *Римский С.В.* Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия // Вопросы истории. 1998. № 3.
6. *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти. М., 2001.
7. *Сухова Н.Ю.* Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
8. *Духовная школа.* М., 1906.
9. *Эйдельмант Ю.В.* Развитие идей, проектов и правил о порядке присуждения ученых степеней в Российской империи: дис. ... канд. ист. наук. Невинномысск, 2000.
10. *Солнцев Н.И.* Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII-XIX веков: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009.
11. *Соколов Д.* История разделения Русской митрополии. СПб., 1900.
12. *Чистович И.И.* Очерк истории Западнорусской Церкви. СПб., 1882. Ч. 1.
13. *Иловайский Д.И.* История России. М., 1890. Т. 3.
14. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. Т. 9.
15. *Ярушевич А.* Ревнитель православия князь Константин Иванович Острожский (1461-1530) и православная Литовская Русь в его время. Смоленск, 1897.
16. *Голубев С.Т.* История Киевской духовной академии. Киев, 1886.
17. *Харлампович К.* Западно-русские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898.
18. *Жукович П.Н.* Борьба против унии на современных ей литовско-польских сеймах (1595 - 1600) Ч. 1 // Христианское чтение (далее - ХЧ). 1896. № 4.
19. *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Петрозаводск, 1996.
20. *Коялович М.О.* Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности. СПб., 1883.
21. *Дашкевич Н.П.* Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве // Университетские известия. 1884. № 10.
22. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1889. Вып. 3.
23. *Петров Н.И.* Львовский епископ Гедеон Балабан и его деятельность в пользу православия и русской народности // Памятники русской старины в западных губерниях / Изд. П.Н. Батюшков (далее - Памятники П.Н. Батюшкова). СПб., 1885. Вып. 8.
24. *Левицкий О.И.* Кирилл Терлецкий, епископ Луцкий и Острожский. К., 1885; *Левицкий О.И.* Ипатий Потей, Киевский униатский митрополит. К., 1885.
25. *Киприанович Г.Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве... (Вильно, 1895). Мн., 2006.
26. *Иловайский Д.И.* Указ. соч. М., 1894. Т. 4. Вып. 1.
27. *Харлампович К.* Указ. соч.
28. *Завитневич В.З.* Палинодия Захария Копыстенского и ее место в истории западно-русской полемики XVI и XVII в. Варшава, 1883.
29. *Мальшевский И.И.* Западная Русь в борьбе за веру и народность: в 2-х ч. 2-е изд. СПб., 1897.
30. *Жукович П.Н.* Борьба против унии... // ХЧ. 1896. № 4; 1897. № 1, 4-5.

31. Батюшков П.Н., Петров Н.И. Холмская Русь. СПб., 1887; Батюшков П.Н., Петров Н.И. Волынь. СПб., 1888; Батюшков П.Н., Петров Н.И. Белоруссия и Литва. СПб., 1890; Батюшков П.Н., Петров Н.И., Городецкий М.И. Подолия. СПб., 1891; Киприанович Г.Я. Указ. соч.; Площанский В.М. Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV-XVIII вв. и другим источникам. В 2-х т. Вильна, 1899-1901.
32. Хойнацкий А.Ф. Православие и уния в лице двух своих защитников, преподобного Иова Почаевского и Иосафата Кунцевича. Киев, 1882.
33. Петров Н.И. Униатский лжемученик Иосафат Кунцевич и посмертное чествование // Памятники П.Н. Батюшкова. СПб., 1885. Вып.8.
34. Чистович И.А. Указ. соч. СПб., 1884. Ч. 2.
35. Униатские церковные братства // Памятная книга Гродненской губернии на 1886 год. Ч. И.
36. Стрельбицкий И.Х. Униатские церковные соборы с конца XVI века до воссоединения униатов с православной церковью. Вильна, 1888.
37. Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. 2 т. Киев, 1883-1898.
38. Жукович П.Н. Из истории Брестского собора. Соч. Д-ра Ивана Франко. Кн. 1. 1895 // ХЧ. 1895. № 5-6.
39. Любович Н.Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях. Варшава, 1888.
40. Крачковский Ю.Ф. Предисловие // Акты Виленской археографической комиссии. Вильна, 1889. Т. 16.
41. Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши (1340-1654). М., 1888. Т. 1-2.
42. Эйнгорн В.О. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1890.
43. Грушевский М.С. Барская околичная шляхта до конца XVIII в. Киев, 1892.
44. Левицкий О. Внутреннее состояние западно-русской церкви в конце XVI в. и уния. Киев, 1884.
45. Чистович И.А. Указ. соч. Ч. 2.
46. Голубев С.Т. Отзыв о сочинении г. Эйнгорна «О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством...». М., 1894.
47. Жукович П.Н. Борьба против унии... Ч. 4. // ХЧ. 1897. № 5.
48. Площанский В.М. Указ. соч. Т. 1.